

«Ревизор» в Театре Сатиры

РАБОТА МАСТЕРА

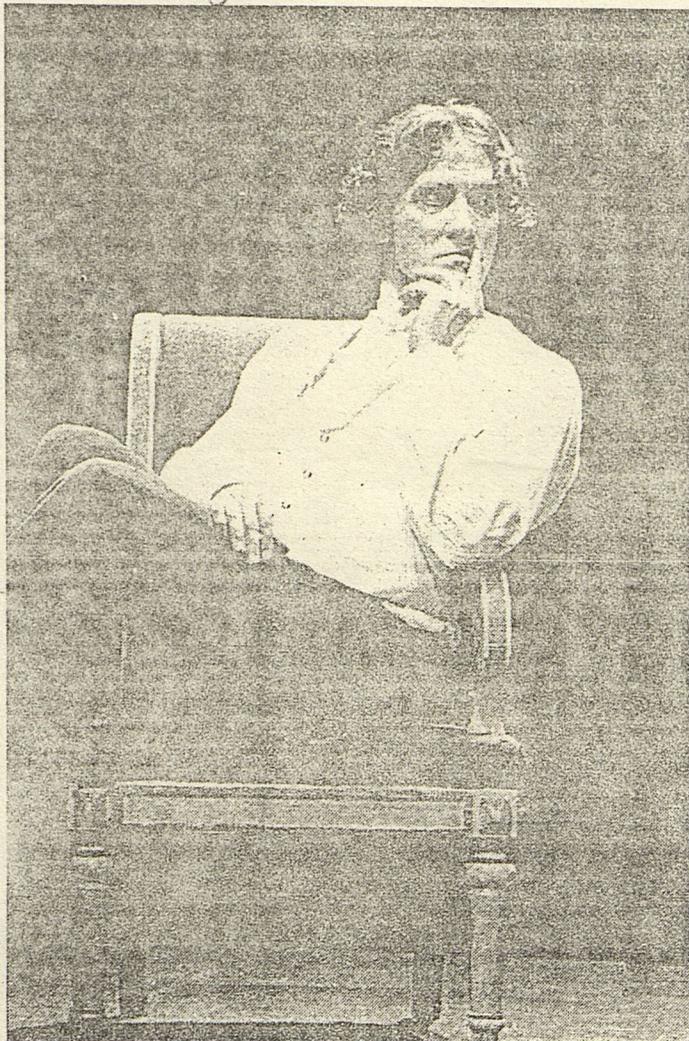
Независимая газ. — 1999 — 12 янв. — с. 7

Григорий Заславский

УДАЧА мастера? Неудача мастера? Все эти определения теряют свою определенность, когда речь о мастере, которому в этом году исполнится 90, а он между тем не торопится на покой и по-прежнему крепко держит в своих руках бразды правления в своем и без того пожизненном Театре Сатиры. *Работа мастера.* Именно так. Как говорили те еще древние — понимающему достаточно.

Валентин Николаевич Плутек поставил в Театре Сатиры пьесу Николая Васильевича Гоголя «Ревизор», посвятив премьеру 125-летию со дня рождения Всеволода Эмильевича Мейерхольда, своего учителя. Спектакль Плутека, конечно, не так отважен и недостаточно радикален для такого посвящения, хотя есть в нем сцены, достойные как великого Мастера, так и одного из талантливых его учеников, не ставшего эпигоном, но и не отказавшегося от полученных знаний. И, что всегда добавляло уважения и почтения Плутеку, — не отказавшись и не предавшего своего учителя.

Ситуация для критика, по меньшей мере, двусмысленная. Для похвал — не много пространства, а ругать... Не то чтобы неловко — из почтения к возрасту, например (хотя, к чему лукавить, и это обстоятельство, естественно, стесняет). Дело в том, что я совершенно убежден, что присутствие Плутека — для Театра Сатиры благо. Само его присутствие в театре, его длинные разговоры — знак принадлежности к той, высокой культуре репетиции и высокой культуре театра как процесса, — блистательные истории, рассуждения о времени, чему и сам однажды я был свидетелем, — все это и составляет театральную атмосферу этого дома. Его спектакли, даже не самые удачные, жизненно необходимы театру. Его глаз дисциплинирует и мешает совершенно расслабиться, хотя и ему, как и Андрею Гончарову, то ли неинтересно, то ли трудно уже работать с ним же и воспитанными мэтрами. И Ольга Аросева, и Вера Васильева, и Михаил Державин, и Александр Ширвиндт по-прежнему состоят в труппе Театра Сатиры, являя миру цвет и славу его театра, но в своих спектаклях он занимает других. Все внимание дарит Валерию Гаркалину, на которого один за другим ставит «Укрощение строптивой», «Трехгрошовую оперу» и теперь — «Ревизора». Простое перечисление последних работ Плутека

Валерий Гаркалин играет Хлестакова.
Фото Геннадия Несмачного

позволяет неутешительно констатировать — рядом с его спектаклями меркнет не только недавно, к счастью, снятая остроциальная комедия «Очень деловой человек» (не продержалась и двух сезонов), но и «Счастливец-Несчастливец» (справедливости ради: качество пьесы и ее исполнения не мешает спектаклю «делать» кассу), и — вот уж где вина постановщика! — «Путешествия на краю».

Новый «Ревизор» особой звездностью не отличается. (Писать так дает право еще то обстоятельство, что Валентин Николаевич Плутек уже ставил на этой сцене эту же комедию Гоголя, и театральные зрители со стажем, равно как и телезрители, конечно, помнят Миронова в роли Хлестакова, Папанова — Городничего, Ширвиндта и Державина в ролях Бобчинского и Добчинского, Веру Васильеву и Татьяну Васильеву-Ищюкович в ролях маменки и

дочки Сквозник-Дмухановских...) На все про все одна-единственная звезда — Гаркалин в роли Хлестакова. Но если даже говорить не о звездах, а просто об удачно сыгранных ролях, то и тут, кроме Валерия Гаркалина, назвать придется немногих. Хороши Марина Ильина в роли Марьи Антоновны, Александр Диденко в роли Земляники, кое-что интересное придумал режиссер для Виктора Рухманова, который играет зрителя училищ Хлопова. Сценография Эдуарда Кочергина — висячие ширмы, должны напоминать публике о зеленом мундирном сукне, «оборачиваясь» на Немую сцену, представляют фрагменты полотна «Последний день Помпеи». Под конец это веселит.

В оправдание посвящения о Мейерхольде немного напомним «божий одуванчик» Лука Лукич,

которого во втором акте выносят на сцену окаменелым истуканом: чтобы избежать первой очереди к Хлестакову, становится на четвереньки, ловко прячется под стол, оттуда на карачках же, точно мореный таракан, переползает к диванчику у стены и вдохновенно пытается забраться по вертикальной стене... Или, в продолжение сцены с чиновниками и взяточниками, Артемий Филиппович Земляника (Александр Диденко), лицо которого редко покидает вроде бы дежурная, то есть обманчивая, но чрезвычайно «засасывающая» всепонимающая полуулыбка. За разговором он дважды невзначай оттягивает жилетку Хлестакова, а когда направляется к двери и бедный Хлестаков, удерживая его, принимается лепетать про то, как он пониздержался, Земляника только жестом указывает: мол, поищите в штанах. И точно, там уж и деньги, — старый «фокусник», Земляника упрятал-таки ловко смятые, в шарик свернутые купюры... Или сам Хлестаков, раздумывающий о том, с которой из городничиховских дам ему начать, совершенно забывается и со словами «Да и мамаша...» в порыве страсти кидается на розу и закусывает ее целиком. Есть в спектакле сцены, которые потом приятно вспоминать. И в сцене вранья у Гаркалина-Хлестакова тоже были живые мгновения. (Другое дело Хлестаков, который, пьяная, превращается в обыкновенного хама; и уже не расставшийся с этой хамской развязной манерой до самого конца, не слишком-то интересен; да и с Гоголем это согласуется далеко не всегда.) Но сколько же в его игре того, что было, было. У него, у Гаркалина... Что-то есть человеческое и в последнем монологе Городничего (Евгений Графкин): как? как так вышло? как поверить мог? — даже жалко становится вдруг, но ненадолго, поскольку в следующую же минуту артист снова принимается «строить рожи». А зачем? И сколько в спектакле грубого, совершенно необъяснимого даже «вольным воздухом» нашей нынешней жизни! Чего стоит одна унтер-офицерская вдова, местная Кармен (Зинаида Матросова), которая недвусмысленно возвращает Хлестакова, увлакивая его за собою в подвальные комнаты гостеприимного дома Городничего. Зачем это? Школьники досидят и так. Удивить их этим все равно не удастся. А смелости в таком решении нет никакой. Матросова же играет так грубо и «плоско», что трудно заподозрить актрису в каком-либо своеволии.

Но главное, смотришь этого «Ревизора» и понять не можешь, почему Городничий верит Бобчинскому и Добчинскому и принимает Хлестакова за Ревизора. На первых спектаклях, во всяком случае, это оставалось неясным. А ведь это — важнейший вопрос «Ревизора». Я уверен: у Плутека, конечно, есть на него ответ.

178